

Уважаемые читатели! Познакомьтесь с работами победителей литературного конкурса, проведённого редакцией «Калининградской правды» в апреле, мае этого года и посвящённого юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

Печальная история

НАТАЛЬЯ ПОЛУХОВА

...Хоронили моего деда, ветерана Великой Отечественной войны. Совсем чуть-чуть не дождался он до юбилея Победы.

Мой дед... Это был настоящий человек, боец. Войну он начал совсем молодым лейтенантом, сразу после училища, а к концу её дослужился до полковника. Его уважали, любили...

На похоронах было много людей. Некоторых из них я хорошо знал: они приходили к деду каждый День Победы. Других тоже видел раньше не раз. Но одна незнакомая женщина привлекла моё внимание. Прежде я её нигде не встречал. Может быть, это внучка кого-нибудь из дедовых сослуживцев? Вряд ли. В её одежде, манере держаться было что-то чужое, не наше, не российское. Она долго стояла перед гробом, будто молилась и просила за что-то прощения. Когда гроб опустили и засыпали зем-

лёй, она встала на колени и беззвучно заплакала.

А 9 Мая в нашем городе открывали памятник героям Великой Отечественной войны. На церемонии должен был присутствовать мой дед, именно он должен был торжественно перерезать ленту. Но он умер, поэтому эта великая честь выпала мне.

И тут я снова увидел эту странную женщину. Она, как тогда, на кладбище, молилась и беззвучно плакала. Мне показалось, что женщина тоже меня видит, но сознательно избегает, даже боится, чтобы наши взгляды встретились. Но почему? Кто она? Знает ли она меня?.. Мероприятие шло своим чередом. Я машинально перерезал ленточку, выслушал речи. Но мысли мои были заняты только незнакомкой. В какой-то момент я подумал, что она не только знает меня, но и чувствует какую-то вину передо мной. Всё это не давало мне покоя, я не сво-

дил глаз с незнакомки. Она была элегантна, стройна, изящна, но как-то холодна, не так мягка, как наши русские женщины. Она иностранка? И тут меня как огнём обожгло!

...Мне 15 лет. Я молод, счастлив, полон сил и надежд на светлое будущее. Я в «Артеке», в лагере, куда хотели попасть сотни советских мальчишек и девочек, а попадали только самые-самые. И я был самым-самым! Изобретатель; победитель научных конкурсов и олимпиад; создатель аппарата, полезного и необходимого в промышленности. За все мои достижения я и попал в эту жемчужину Черноморского побережья. Я был горд собой. К тому же я красив, спортивного телосложения, бегаю быстрее всех. Все девчонки хотели подружиться со мной. Но я был как неприступная скала, всё искал свою единственную. И вот...

В очередной раз я сбежал с тихого часа. Сидел на берегу за камнями, читал книгу. Вдруг я услышал какой-то шорох. Обернувшись, я был поражён!.. Огромные глаза, пшеничные длинные волосы... Она смотрела в зеркало и рисовала свой портрет. Боясь выдать себя, я почти не дышал. Случайно задетый мной маленький камешек вдруг покатился и упал в воду. Она обернулась на звук. Наши взгляды встретились. Мы поняли, что это навсегда.

Она была из Германии. Юная художница, известная всей Европе. Мы были вместе всю смену. По-русски она говорила пло-

хо (впрочем, как и я по-немецки). Но нам не нужны были слова. На прощание она подарила мне свой портрет, тот самый.

Когда я вернулся домой, мои родители сразу догадались, что их сын уже вырос, у него любовь и любовь эта — не мимолётное увлечение, а серьёзное чувство. Они не докучали вопросами, а просто радовались, что я счастлив. Тому, что моя любимая из Германии, они не предавали особого значения. Я будто летал на крыльях! Скорей бы окончить школу! С моими знаниями я мог бы поступить в престижный университет Европы, и мы с моей любимой были бы вместе!

Но всё рухнуло в один миг, сгорело, превратилось в прах. Дед увидел на моём столе её портрет с подписью на память. Лицо его как-то уродливо исказилось. Ему стало плохо с сердцем. Когда он пришёл в себя, то рассказал мне следующее.

...1941 год. Молодые, ещё неопытные солдаты попали в окружение. Многие были убиты, остальные взяли в плен. Кормили их плохо, заставляли рыть окопы в каменистой почве. Один надзиратель был особенно жесток. Ровесник моего деда, молодой, высокий, с пшеничными волосами. Он ко всему придирался и за всё, что его не устраивало, бил. Моего деда он невзлюбил с первого же дня. Надзиратель пинал его сапогом в лицо с особой жестокостью, добываясь, чтобы тот начал стонать или просить о пощаде. Но дед выносил всё молча. Фамилия немца была

такая же, как у моей светлой и прекрасной девочки. Нет, к сожалению, они не были однофамильцами. Дед запомнил глаза этого фашиста на всю жизнь: огромные, синие, с длинными ресницами, красивые, но холодные, жестокие. Таких глаз за всю жизнь он не видел больше ни у кого. У неё такие же бездонные озёра, окаймлённые густым лесом ресниц, и тоже они могли становиться ледяными и убивающими. Моя девочка — внучка фашиста?! Да разве такое возможно?! Но это было так.

Жизнь для меня кончилась. Я забросил учёбу, моей девочке я больше не писал, хотя письма от неё приходили даже чаще, чем раньше. Я ей не ответил ни разу...

Я много думал все эти годы. Конечно, внучка не может отвечать за поступки деда, тем более, что он умер, когда она была ещё маленькой. Но всё равно... Я не мог общаться с ней, хотя никогда не забывал её светлый образ и никого, кроме неё, не любил. Я не стал генеральным учёным, у меня нет ни семьи, ни детей...

Позже я узнал, что она член организации антифашистов, борется за мир (очень давно, с 18 лет). Она богата, но все свои деньги переводит в Россию ветеранам войны. Даже несмотря на всё это, тогда, на митинге, я не смог к ней подойти. В моей душе — боль за деда, и кровоточит рана, нанесённая когда-то тяжёлым сапогом фашиста...

«Ах, война, что ты сделала, подлая?..»

Мелодия любви (или Любовь-Любаша)

ЗИНАИДА КОКОРИНА

Посвящается моему дяде, ветерану Великой Отечественной войны, полковнику, инженеру-химику А.Я. Коробкову-Новикову

Кто лгал, что я на праздник
не пришёл?
Мы здесь уже. Когда все
будут пьяны,
Бесшумно к вам подсядем мы
за стол
И сдвинем за живых бесшумные
стаканы.
К. Симонов «Хозяйка дома»

* * *
Вот занавес дрогнул.
Свет медленно гас.
Зал замер на грани дыхания.
Мелодия словно с небес полилась,
До боли знакомая, давняя.
Прикрыл глаза. К чему душе
томленье,
Зачем тревожить прожитое
вновь?
Но воскресила память то волненье,
Что испытала первая любовь.

Любовь-Любаша... По большой
палате
Она порхала лёгким мотыльком
В чужом, не по её плечам, халате,
Приталенным коротким пояском.
Когда бинты кровавые меняла
Уверенным движеньем лёгких рук,
Казалось, боль на время
отступала,
И оставался только сердца стук.
С солдатских губ не раз бы
брань срывалась,
Когда молчать не мог от боли он;
Но если Люба к ране прикасалась,
То раздавался только лёгкий стон.
Бывало так, что с губ сухих, горящих,
Среди бредовых, непонятных слов,
Звучало вдруг: «Сестрёночка,
Любаша!..»,
Как воскрешение от тяжких снов.

Я мог бы наблюдать за ней часами,
Прикрыв ресницами оживший блеск,
Не веря в то, что бред
сменился снами,
Что слышу дальний
орудийный треск...
Любить бы ей, рожать детей,
ей богу!
Кормить не нас, а их из ложки
кашей...
Да перешла война через дорогу,
Переломала всю судьбу Любаши.
Однажды, изменив агитбригаде
С концертами для раненых людей,
Осталась Люба в этом медсанбате.
Так, видно, сердце подсказало ей.

Бывало, затихала перестрелка,
Украдкой полумрак вползал
в палаты...
Кормила с ложечки бойцов сиделка,
Мелькали реже белые халаты,
Почти неслышно становилось
стонов.
Дышал прохладой свежий ветерок...
Как будто, после всех ночей
бессонных,
Судьба дарила тихий вечерок.
Нарушит тишину басок хрипящий,
С мольбой, чтоб не последовал
отказ:
«Сестрёночка, Любавушка, Любаша!
Сыграй, родная, что-нибудь
для нас...»

С руки сестрица голову поднимет,
Ладонью под глазами проведёт,
Как будто всю усталость
этим снимет.
Тихонько к пианино подойдёт
(Тогда — к столу, с пакетами,
с бинтами...),
Накидку осторожно сдвинет
с крышки.
Скользнув по глади ласково руками,
Замрёт... как музыку в себе
услышит.
Коснётся клавиши легонько белой,
Звук первый извлекает из басов.
Мелодия рождалась... И запела,

И зазвучала жизнь в сердцах бойцов!
Лирическое было ль то пиано,
Задорным темпом зажигало ль
скерцо...
Снимая боль и заживляя раны,
Вселялись вера и надежда в сердце!
Припомнит каждый что-то дорогое:
Кто дом далёкий, школу и друзей,
Кто первый поцелуй, крыльцо
родное,
Кто ласковые руки матерей...

И я хотел бы, да не мог забыться.
Так становилось на душе тепло...
Я видел, как вокруг светлели лица.
...Мои же мысли к девушке влекло.
Война безжалостно людей косила,
И смерть, и кровь лились
одной рекой...
Откуда же бралась такая сила
В ней: в маленькой, светящейся
такой?!
В жару и в холод, под дождём
и в слякоть
Вытаскивать с полей в боях
упавших,
Притом не ныть, не отступать,
не плакать —
Могли только такие вот Любаши!

Очнулся я. Мелодия звучала,
Страницы жизни пролистав назад.
Любовь судьбой моей так
и не стала...
— Прости, родная! Я не виноват
В том, что остался жив
среди немногих,
Что уцелел в том памятном бою...
И что тебя не встретил на дорогах,
Которыми не раз шагал в строю.
Шёл с именем твоим я до победы,
Надежды не терял на встречу нашу.
Искал тебя везде, где только
не был:
Любви моей мелодию — Любашу.
Она, как заговор, во мне звучала,
От пули вражеской уберегла.
Ты многих своим духом воскрешала...
Себя сберечь от смерти не смогла.

Вальс Победы

ВИКТОРИЯ МУРАВЬЁВА

Коснулись пальцы клавиш,
Затих огромный зал.
Божественно и плавно
Вальс музыкант играл.

Пять лет... Устали руки
Оружие сжимать.
Сквозь смерть, дорогой трудной,
Пришёл победный май.

Скорее вспомнить надо
Весну! Сирень! И дом...
И грохот канонады
Сменил весенний гром!

Ещё хранила память
В крови живой траву.
Но в огрубевших пальцах
Рождался новый звук.

Глаза полны слезами —
Войны потухшей гарь.
Кружился вальс по залу
В кирзовых сапогах.

Так долго, только снился,
Расстроенный рояль,
На измождённых лицах
Счастливым взгляд сиял...

* * *
Я с детства тебя и люблю, и горжусь,
Истокам традиций внимаю.
В цветном сарафане красавица Русь
В преддверии Девятого мая.

Победные ленточки в косы вплела,
Не гаснут огни обелисков.
Забвенью предать не пристойно дела
Дедов, им поклонимся низко.

А кто ещё жив, тот запомнил бои,
Друзья оставались на минах...
Спят сном беспробудным солдаты твои
С молитвой церковных поминов.

Живые цветы — светлой памяти дань
И в траурных рамочках лица.
Вы мир долгожданный оставили в дар,
И вам салютует столица!